

УДК 1(091)

У. ДРЭЙ: УЧЕНИЕ Р.ДЖ. КОЛЛИНГВУДА И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ¹

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья сфокусирована на выяснении роли наследия Р.Дж. Коллингвуда в генезисе тематики и основополагающих идей современной аналитической философии истории. Прочтение У. Дрэм историсофских идей Коллингвуда рассматривается как намечающее основополагающие контуры ассимиляции его истолкования воспроизведения опыта прошлого, специфики актов исторической деятельности, взаимосвязи прошлого и настоящего, исторического нарратива и других тем основными представителями современной англо-американской аналитической философии истории.

***Ключевые слова:** неогегельянство, аналитическая философия истории, эпистемология истории, объяснение, понимание, исторический опыт, презентизм, априорное воображение, идея истории, нарратив.*

Творчество Р.Дж. Коллингвуда (1889–1943) связано с разработкой оригинальной версии эпистемологии истории на базе неогегельянства. Подобно Б. Кроче, этот автор попытался, отказавшись от гегелевской субстанциальной схематики видения истории как целостности, рассмотреть процесс постижения минувшего в качестве итога его воспроизведения на базе реконструктивной деятельности сознания. В очевидной полемике с теорией и практикой позитивистской историографии Коллингвуд увидел в деятельности историка установление постоянно обновляющейся связи прошлого и настоящего, порождающей постановку проблем, которые стимулируют рациональную активность и воображение [1, с. 61]. Его трактовка идеи истории, стимулирующей непрерывное движение к полноте видения минувшего, раскрывает вектор эволюции исторического сознания, которое постоянно ищет новые смысловые грани прошлого, сопряженного с настоящим. Идеи Коллингвуда инспирировали во многом поле исканий ведущих теоретиков англо-американской аналитической философии истории, осуществлявших поиск специфики исторического повествования, точно также как и теоретиков герменевтики, обратившихся к рассмотрению этого сюжета. Среди поклонников его творчества был видный канадский философ Уильям Герберт Дрэй (1921–2009), попытавшийся суммировать значимость рецепции теоретических воззрений Коллингвуда для разработки основополагающих сюжетов современной аналитической философии

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-33-00047.

истории. Именно поэтому видение коллингвудианской историософии, предложенное им, заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Дрэй является автором книги «История как воспроизведение опыта прошлого. Идея истории Р.Дж. Коллингвуда» (1995), которая резюмирует обсуждение идей британского философа в аналитической философии истории второй половины минувшего столетия. Это произведение написано после того, как достоянием философской общественности, интересующейся наследием Коллингвуда, уже стали два других значимых произведения, выдержанных в стилистике аналитической философии истории и посвященных этому сюжету, – книг А. Донагана «Поздняя философия Р.Дж. Коллингвуда» (1962) и Л.О. Минка «Сознание, история и диалектика. Философия Р.Дж. Коллингвуда» (1969) [8; 10], не говоря уже о многочисленных статьях в периодических изданиях и коллективных трудах, где сторонниками этого направления англо-американской историософии отдается дань признательности теоретическому наследию британского автора. И по сей день книга Дрэя, освещающая корпус идей Коллингвуда, в той или иной мере инспирировавших искания теоретиков аналитической философии истории, остается вполне актуальной, так как релевантна тематическому полю обсуждения эпистемологии исторического повествования в наши дни [См.: 2; 6].

Обращение к философии истории Коллингвуда первоначально возникает в трудах Дрэя в связи с его пристальным интересом к проблеме логики исторического объяснения. Применимость модели объяснения, предложенной в трудах К. Поппера-К. Гемпеля, к историческим феноменам оживленно обсуждалась в трудах теоретиков аналитической философии истории в 50-60-е гг. прошлого века [9, р. 35–48]. Дрэй был одним из пионеров рассмотрения этого сюжета, сформулировав свое отрицательное отношение к натуралистическому редукционизму в истолковании природы исторического объяснения. Высказавшись в пользу невозможности сведения объяснения действий исторических акторов к объектно-вещному рассуждению о эмпирически фиксируемых причинах и следствиях, он и обратился при построении собственного «понимающего» видения к учению Коллингвуда о воспроизведении опыта минувшего средствами продуктивного воображения исследователя. Позднее проблематика объяснения событий минувшего вошла в качестве интегрального звена в обсуждение вопроса о природе исторической наррации. В этом ракурсе она обсуждается представителями аналитической философии истории и по сей день.

Как справедливо полагает Дрэй, творчество Коллингвуда занимает философов аналитической традиции прежде всего в связи с постановкой им вопроса о возможности адекватного воспроизведения опыта прошлого в контексте современности с целью постижения того, что является неповторимыми событиями, принадлежащими истории. «Изучать историю, как и все остальное, нас заставляет простое человеческое

любопытство: интерес к выявлению и мысленной реконструкции жизни людей в других местах и в другие периоды. Для того чтобы выявить и понять их жизнь, было бы недостаточным уметь упорядочить, предсказать или восстанавливать их действия. Необходимо было бы также уметь применять к ним категории практики. Необходимо было бы, как это сказал бы Коллингвуд, подойти к ним изнутри» [3, с. 70–71]. Эпистемологическая проблематика познания прошлого, как известно, ставится Коллингвудом в русле обращения к наследию Гегеля и его переосмыслению в контексте задачи создания нового, очищенного от субстанциалистского схемосозидания философского прочтения истории. Выявление «живого» и «мертвого» начал в построениях Гегеля велось британским автором в фарватере внимательного отношения к практике историографии и наследию британской философской традиции [5, р. 421]. Одновременно, как акцентируют сторонники аналитической традиции, прослеживается и его внимательное отношение к идеям Кроче.

Философия, по Коллингвуду, всегда представляет собой рефлексивную активность по отношению к любым наличным формам осмысления объекта. Она, по сути, должна быть понята как «мысль о мысли», и в этом отношении философское осмысление истории не представляет исключения. Философия истории, в истолковании Коллингвуда, должна быть не чем иным, как рефлексивным осмыслением практики создания истории. При этом, разумеется, возникает вопрос, как критико-рефлексивный момент построений Коллингвуда соотносим с постулатами гегелевского абсолютного идеализма. Британский философ, творивший в ситуации преобладания в университетской науке его страны аналитической философской традиции, отнюдь не отказывается от видения реальности как проявления абсолютного духовного начала, постигаемого в рефлексивной активности мысли. История для Коллингвуда явлена как процесс мысли, который может не только быть осознан в качестве сопровождающего человеческие деяния, но и составляет онтологическую реальность, отправляясь от которой становится возможным повествование о событиях минувшего.

Солидаризируясь с Гегелем в том, что исторический процесс можно понять как сферу реализации свободы, Коллингвуд, подобно Кроче, отбрасывает идею необходимости движения социального развития по этому пути. Для него, как и для Кроче, история – поле непрекращающейся битвы за свободу, исход которой не предрешен необходимыми законами истории, существование которых ими отрицается. Эти два либеральных мыслителя верили, что, как только люди прекращают стремиться к свободе, она уходит со сцены истории, чтобы возвратиться вновь в деяниях тех, кто готов её отстаивать. Существование прогресса для Коллингвуда – итог свободного развития мысли и основанной на ней деятельности человека, которые ничем не предустановлены. «Концепция закона прогресса, в соответствии с которой ход истории направ-

ляется таким образом, что каждая последовательная форма человеческой деятельности представляет собой некоторое усовершенствование предыдущей, оказывается поэтому простой путаницей мысли, вскормленной противоестественным союзом двух верований: верой человека в его превосходство над природой и верой в то, что он не более чем часть этой природы. Если одно из этих верований истинно, то другое ложно» [4, с. 309]. Для Коллингвуда, конечно же, не может быть и речи о каком-либо законе, предопределяющем прогресс в истории в смысле классического гегельянско-марксистского или же позитивистского контовского его истолкования.

Такой взгляд на историю диктует и отказ от субстанциальной схематики ее поступательного развития в духе классической гегелевской историософской доктрины, и, конечно же, марксизма как ее продолжения. Коллингвуд скорее сохранял приверженность гегелевской декларации о необходимости создания «философской истории», которая так и осталась всего лишь контурно намеченной во введении к «Философии истории» и противоречила реализованной в контексте лекций жесткой схематике истолкования основных этапов развития человечества во времени. Коллингвуд подхватил гегелевскую идею важности написания «философской истории», именно эта грань его творчества, наиболее рельефно представленная в «Эпилоге» его «Идеи истории» оказалась наиболее привлекательной для эпистемологических исканий теоретиков аналитической философии истории, которые, конечно же, отнюдь не испытывают симпатии к платформе абсолютного идеализма даже в его неогегельянском, «ревизионистском» формате.

Вполне понятно, что при всех мировоззренческих расхождениях платформы неогегельянства и аналитического теоретизирования общей «стыковой» точкой для них становится исследование условий «проигрывания» духовной стороны устремлений авторов действий, порождающих исторические события. Именно поэтому, рассматривая значение философии Коллингвуда для развития аналитической философии истории, Дрэй в первую очередь ставит вопрос о возможности воспроизведения опыта прошлого в сознании субъекта, обращающегося к изучению истории. Сама по себе эта проблема, поставленная в общей форме, требует более частного транскрибирования в серии предполагаемых таковой вопросов. К ним в первую очередь относится вопрос о возможности характеристики свершившегося события как уникального при помощи суждений, предполагающих их фиксацию в обобщенно-понятийной форме. Вслед за его обсуждением возникает еще один вопрос о совместимости причинно-следственного описания события истории в объектно-вещной перспективе и рассмотрения его как обладающего своеобразным мыслительным подтекстом деяний субъекта. И, конечно же, вслед за этим встает также вопрос, возможно ли, и до какой

степени, постижение мыслительного содержания действия, осуществленного в прошлом, в сознании исследователя, живущего в настоящем.

Дрэй отмечает, что в ранних сочинениях Коллингвуда содержится неокантианский тезис об уникальности исторических событий, а следовательно, о невозможности их характеристики через общие понятия. В «Идее истории» его подход к этому вопросу трансформируется: в суждениях, фиксирующих неповторимые события истории, употребимы общие предикативные характеристики таковых. Выражая консолидированную платформу аналитической философии истории, Дрэй всецело разделяет точку зрения Коллингвуда на нередуцируемость мыслительного сопровождения деятельности исторических акторов к эмпирически фиксируемым причинно-следственным цепям. Рассуждение о действии исторического субъекта предполагает ответ как на вопрос «что произошло?», так и на вопрос «почему?» [7, р. 46]. И отнюдь не всегда можно ответить на оба этих вопроса одновременно, хотя без обретения обоих ответов, как отмечал еще Л. Минк, не может быть и речи о полноте описания свершившегося события. Такой мыслительный ход заставляет вспомнить о кантовском подходе к дуальной противоположности фиксации эмпирически запечатлеваемых причин и следствий и свободно принимаемых субъектом волевых решений, который, без сомнения, является основой рассуждений как Коллингвуда, так и Дрэя. Одновременно настойчиво обнаруживается и тема полноты описания мыслительной стороны действия, возможности такового. Дрэй полагал, что Коллингвуд отнюдь не считал, что опыт прошлого может предстать в его полноте реконструктивной мысли историка, который работает со свидетельствами и создает свои опосредованные ими построения именно на этой базе лишь с определенной долей аппроксимации к проигрываемому в воображении событию. В этом смысле его понимание специфики исторического поиска выглядит вполне приемлемым для философа аналитической ориентации, желающего уйти от фона посылок гегелевского абсолютного идеализма, присутствующих в коллингвудианском теоретизировании.

Коллингвуд, как представляется Дрэю, предвосхитил и многие темы связанные с теорией объяснения исторических событий, занимающие сторонников аналитической философии истории со времени появления модели К. Поппера–К. Гемпеля. Действительно, можно согласиться с тем, что Коллингвуд на страницах «Идеи истории» сформулировал принимаемый философами аналитической ориентации тезис о разнонаправленности объяснительной процедуры в естествознании и истории: в то время как в науках о природе законы служат цели объяснения обнаруживаемых релевантных им фактов, в истории экспликативная процедура ведется на базе обобщений, которые служат раскрытию содержания обладающих самоценностью индивидуальных и неповторимых событий. Дрэй справедливо констатирует, что строгая дедуктивно-номологическая модель естественнонаучного плана «не работа-

ет» в исторических объяснениях, где генерализации, по сути, базируются на «проигрывании» в воображении схожих ситуаций действия. Это в равной мере относится к трем моделям исторического объяснения на базе воспроизведения опыта минувшего, выделяемым им – «квазинормативной», «концептуально-аналитической» и «концептуально-вероятностной» [ibid., p. 87]. Что же касается самого Коллингвуда, то, по мнению Дрэй, он допускал применение в истории генерализаций, которые валидны, объясняя поведение людей в определенных пространственно-временных масштабах, и, в принципе, даже номологических суждений. Однако генерализации, базирующиеся на обобщении опыта, его «проигрывании» в воображении, по Коллингвуду, с точки зрения Дрэй, всегда выглядят наиболее предпочтительными для объяснения событий истории.

Солидаризируясь с Донаганом и Минком, Дрэй считает, что коллингвудианский подход к истории во много упрощает индивидуальное действие, ибо не принимает во внимание его бессознательный фон и эмоциональную составляющую. Делая ключом к пониманию истории индивидуальное действие как процесс рационального решения задач, встающих перед субъектом, Коллингвуд, как ему представляется, изначально идет по пути излишней интеллектуализации ее содержания. Последнее обстоятельство легко объяснимо как результат принципов гегелевского абсолютного идеализма, лежащих в основе его философии.

Критическая оценка учения Коллингвуда об истории была бы неполна, если бы Дрэй не подметил, что оно самими исходными предпосылками связано с методологическим индивидуализмом. Социальное целое у Коллингвуда конституируется через индивидуальное рациональное действие, но путь постижения им социального целого, предположительно возникающего в результате индивидуального действия, оказывается вне поля его внимания. В ряде фрагментов его работ речь идет о наличии коллективного разума, консолидирующего общество. Однако ни его онтологический статус, ни способ его познания не характеризуются Коллингвудом, по справедливому замечанию Дрэй, с должной полнотой.

Коллингвуд предстает в интерпретации Дрэй теоретиком, который предвосхитил нарративистский поворот в рядах сторонников аналитической философии истории. «С точки зрения наших теперешних забот, – отмечает Дрэй, – наиболее интересным относительно коллингвудианского эмбрионального анализа нарративной структуры является его признание нарративов как средства ретроспективного исторического понимания» [ibid., p. 314]. Своим учением о связи прошлого и современности, способности априорного воображения и идее истории он действительно поставил вопрос о способе воссоздания событий прошлого и включенности их цепей в целостное видение исторического процесса. Весь ход его рассуждений ведет к рассмотрению исторической narra-

ции как особого способа постижения реалий человеческой истории. Эпистемологическая рефлексия, представленная в его сочинениях, демонстрирует реальные моменты априорной организации исторического познания и заставляет задуматься об онтологии человеческого бытия как основе такового. Такого рода прочтение его идей свойственно герменевтической традиции в лице прежде всего Х.Г. Гадамера и П. Рикёра. Как философ эмпирико-аналитической ориентации, Дрэй не склонен принимать исторический априоризм Коллингвуда, но его возражения британскому автору звучат недостаточно убедительно, поскольку он по сути согласен с «историческим презентизмом» и вытекающими из его посылок следствиями. Коллингвуд трактуется им как философ, показавший специфику понимания истории в перспективе настоящего на базе способности воображения воссоздавать прошлое в контексте современности и видеть его фрагменты в формате целостной картины минувшего. В результате свершившееся в прошлом событие рисуется историком, осознающим его последствия для современности, через повествование, которое синтетически организовано как некоторая целостность, предполагающая временной и пространственный формат [ibid., p. 325]. Наррация тем самым, по Дрэю, служит инструментом исторической интерпретации и вбирает в себя итог эмпирической работы со свидетельствами, равно как и экспликативный компонент. В созвучии с коллингвудианским отвержением крайнего исторического конструктивизма Дрэй видит в наррации своеобразное резюме работы со свидетельством источников. Принимая идею Минка о чертах сходства исторического повествования с художественным текстом, он все же склонен отстаивать специфику истории как базирующейся на данных источников.

Вслед за фундаментальными трудами А. Донагана и Л.О. Минка, У. Дрэй показал значимость историософских построений Р.Дж. Коллингвуда для понимания генезиса трактовки исторического повествования в границах англо-американской аналитической философии истории. В свете предложенной им сравнительной аналитики эпистемологии истории Коллингвуда и построений англо-американских философов отчетливо выявляется влияние исканий британского автора на формирование тематического поля и концептуального аппарата аналитической теории исторической наррации.

Список литературы

1. Губман Б.Л. *Смысл истории. Очерки современных западных концепций.* М.: Наука, 1991. 192 с.
2. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Лингвистический поворот и история в философии Р. Рорти // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия».* 2017. № 2. С. 165–177.

3. Дрэй У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории* / под ред. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.
4. Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории: автобиография*. М.: Наука, 1980. 483 с.
5. Киссель М.А. Р.Дж. Коллингвуд – историк и философ // Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. М.: Наука, 1980. С. 418–459.
6. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // *Вопросы философии*. 2006. № 6. С. 44–55.
7. Dray W. *History as Re-enactment*. R. G. Collingwood's Idea of History. Oxford: Clarendon Press, 1995. 347 p.
8. Donagan A. *The Later Philosophy of R. G. Collingwood*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 332 p.
9. Hempel C. G. *The Function of General Laws in History* // *The Journal of Philosophy*. Vol. 39, № 2. Pp. 35–48.
10. Mink L.O. *Mind, History, and Dialectic*. Bloomington; L.: Indiana University Press, 1969. 276 p.

W. DRAY: R.G. COLLINGWOOD'S HERITAGE AND ANALYTICAL PHILOSOPHY OF HISTORY

C.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article is focused on the role of R. G. Collingwood's heritage in the genesis of the thematic area and basic ideas of the contemporary analytical philosophy of history. W. Dray's reading of Collingwood's philosophy of history is interpreted as producing the general contour of the assimilation of his approach to re-enactment of past experience, historical actions analysis, relations of past and present in understanding history, narration construction, and other problems within the Anglo-American analytical philosophy of history.

Keywords: *neo-Hegelianism, analytical philosophy of history, epistemology of history, explanation, understanding, historical experience, presentism, a priori imagination, idea of history, narrative.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Author information:

ANUFRIEVA Carina Victorovna – Ph.D., Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru